

Владимир Святославович Воробьев-Десятовский

(1927–1956)

Владимир Святославович Воробьев-Десятовский вошел в историю отечественного востоковедения как выдающийся специалист в области палеографии и письменного наследия народов Южной и Центральной Азии.

Лингвист и полиглот, он одновременно был глубоким знатоком культуры Индии и ее буддийского ответвления, распространившегося в I тыс. н.э. в Тибет и оазисы Восточного Туркестана. Благодаря исключительным природным дарованиям и обширной научной эрудиции, В.С. Воробьев-Десятовский внес большой вклад в систематизацию и описание индийских и центральноазиатских коллекций рукописей и старопечатных изданий, хранящихся в фондах ИВР РАН. Работая в этом направлении, он сумел возродить отечественную академическую традицию палеографических исследований, оборвавшуюся в 1900-х гг.

В.С. Воробьев-Десятовский принадлежал к поколению, опаленному в годы ранней юности огнем Великой Отечественной войны. Он родился 02.10.1927 г. в Москве, в интеллигентной семье, приверженной идеалам образованности и неукоснительного трудолюбия. Детство будущего ученого прошло в Северной столице. Первые впечатления о Востоке он приобрел в Туркмении, в Ашхабаде, куда переехал вместе с матерью после гибели отца, репрессированного в 1934 г. В 17-летнем возрасте В.С. Воробьев-Десятовский, еще не окончив среднюю школу, ушел на фронт.

Воюя в рядах Советской армии, будущий ученый участвовал в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков. Школьный аттестат зрелости он получил в Ленинграде после демобилизации.

Выбор профессии дался В.С. Воробьеву-Десятовскому нелегко, так как наряду с интересом к культуре Востока и восточным языкам он обладал выраженными математическими способностями. Поступив в 1946 г. на индийское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета, он пытался в течение всего следующего года совмещать востоковедное обучение с занятиями математикой. Но окончательный выбор был сделан им все же в пользу индианистики.

В годы студенчества В.С. Воробьев-Десятовский наряду с освоением обязательной образовательной программы изучал индоарийские языки Передней Азии, классический тибетский язык (т.е. язык переводов с санскрита буддийских канонических и постканонических текстов), среднеиндийские языки, в частности пали, и ряд новоиндийских языков. Успехи В.С. Воробьева-Десятовского в изучении санскрита были столь значительными, что ему, четверокурснику, доверили преподавание этого предмета студентам первого и второго курсов. Основательный и исключительно трудоспособный, он с целью методического оснащения своих занятий с младшими товарищами перевел с немецкого языка на русский учебное пособие Ф. Кильхорна по грамматике санскрита.

Дипломное исследование В.С. Воробьева-Десятовского «Историческое развитие личных местоимений первого и второго лица в языках Центральной Индии», блестяще защищенное им в 1951 г., соответствовало области лингвистических интересов его научного руководителя — акад. А.П. Баранникова (1890–1952).

Однако еще за год до окончания университета молодой исследователь погрузился в изучение коллекции манускриптов из Южной и Юго-Восточной Азии, он включился на общественных началах в деятельность Сектора восточных рукописей — единственного подразделения Института востоковедения АН СССР, оставленного в Ленинграде

после перевода основной части данного учреждения в 1950 г. в Москву. В ведении Сектора (ныне — ИВР РАН) находились собрания Азиатского музея, на базе которого в 1930 г. был образован ИВ АН СССР, и указанная коллекция исторически именовалась «индийским фондом». После каталогизации индийского фонда, произведенной Н.Д. Мироновым в 1910-х гг., его изучением как самостоятельной проблемой никто до В.С. Воробьева-Десятовского не занимался.

В 1951 г. В.С. Воробьев-Десятовский в качестве дипломированного специалиста был зачислен в штат Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР. Перед ним поставили задачу разбора, систематизации и описания не только индийской, но также тибетской и многоязычной центральноазиатской коллекций. Его первым плановым заданием явилось изучение собрания тибетской эпиграфики на дереве, поступившего в Азиатский музей от С.Е. Малова (1880–1957). В.С. Воробьев-Десятовский классифицировал эту коллекцию, выполнил ее системный обзор и подготовил к изданию ряд наиболее репрезентативных документов.

Затем ученый приступил к ресистематизации индийского фонда — сверил его состав с каталогом Н.Д. Миронова и произвел первичную атрибуцию более сотни не определенных прежде рукописей, список которых в настоящее время хранится в архиве ИВР РАН. Результаты данного обследования, завершеного в 1954 г., были представлены В.С. Воробьевым-Десятовским в статье «Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР» (Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.–Л., 1954, с. 129–143). В ней излагалась история собрания и давалась тематическая характеристика его состава, причем особое внимание уделялось жанрам тех письменных памятников, которые презентуют типологическую специфику культуры Индии и зоны ее влияния в Юго-Восточной Азии.

Работа в области палеографии расширила круг лингвистических исследований В.С. Воробьева-Десятовского, заинтересовавшегося истоками формирования языков Северной Индии. В том же 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Историческое развитие личных местоимений в индоарийских языках». Публикация этого труда осуществилась в 1956 г. уже после кончины ученого.

Продолжая свою деятельность в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР, В.С. Воробьев-Десятовский обратился к сложнейшей проблеме изучения памятников центральноазиатской письменности, доставленных в Азиатский музей отечественными экспедициями 1900–1910-х гг., а также добытых российским генеральным консулом в Кашгаре Н.Ф. Петровским (1837–1908).

Исследование этих памятников имело первостепенную научную значимость — оно раскрывало культурно-цивилизационную целостность духовной жизни народов, населявших оазисы Восточного Туркестана в I тыс. н.э. В тот исторический период Восточный Туркестан как ключевой субрегион Центральной Азии являлся территорией продвижения буддийской ветви культуры Индии и средоточием диалога различных религиозно-идеологических традиций, соприкасавшихся друг с другом на Великом шелковом пути. Изучая в этом аспекте памятники центральноазиатской письменности, В.С. Воробьев-Десятовский возродил проблематику исследований классика отечественного востоковедения — акад. С.Ф. Ольденбурга (1863–1934).

В.С. Воробьев-Десятовский произвел инвентаризацию центральноазиатского фонда и составил его первичное описание. Он выявил и подготовил к изданию уникальные тексты из состава данной коллекции — вновь обнаруженные листы рукописей «Кашяпапариварты», выступающих важным источником исследования роли неиндоевропейского субстрата в развитии индоарийских языков. Ученый также начал готовить к публикации новонайденные им листы сакской рукописи «Сказание о Бхадре».

Вся эта работа базировалась на предшествующем этапе его палеографических исследований (подготовке слоговых таблиц) и лексикографических изысканий. Промежуточные ее итоги нашли отражение в опубликованном в 1958 г. труде В.С. Воробьева-Десятовского «Памятники центральноазиатской письменности» (Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М.–Л., 1958, с. 280–308).

Проявил себя В.С. Воробьев-Десятовский и как исследователь, переводчик и комментатор классических образцов индийской словесности на санскрите и пракритах. В последний год его короткого жизненного пути вышел в свет выполненный им комментированный перевод с санскрита на русский язык драмы Шудраки «Мричхакаттика» («Глиняная повозка»).

Ныне, характеризуя личность ученого, принято говорить о его хобби — любимом занятии, не связанном с профессией. Но В.С. Воробьев-Десятовский не имел хобби, он всего себя отдавал науке и посвящал свое личное время изучению коллекций индийских рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и в фондах библиотеки восточного факультета Ленинградского государственного университета. Наряду с этим он по собственной инициативе проводил архивные изыскания, исследуя обстоятельства жизни и деятельности Г.С. Лебедева, предтечи российской индианистики, и И.П. Минаева, основателя санкт-петербургской индианистической научной школы.

Немало сил вложил В.С. Воробьев-Десятовский в университетскую подготовку молодых востоковедных кадров. На восточном факультете он читал курсы по теоретической грамматике языков хинди и пали, возродил преподавание тибетского языка и тибетологических дисциплин, совмещая данную деятельность с академическими исследованиями.

Как зрелый ученый В.С. Воробьев-Десятовский успел поработать в науке весьма непродолжительное время — неполных пять лет. Он ушел из жизни 02.07.1956 г. молодым, не дожив до 30-летнего возраста. Каждая из выполненных им работ несет в себе несомненные признаки гениальности, запечатленные в опережающем время полете научной мысли и золотом стандарте профессионального мастерства. Имя В.С. Воробьева-Десятовского по праву стоит в одном ряду с именами классиков отечественной индианистики и буддологии — И.П. Минаева, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского.

Далеко не всем исследовательским планам В.С. Воробьева-Десятовского было суждено реализоваться. И все же в нашей стране дело изучения центральноазиатского письменного наследия не угасло с его уходом. Подобно эстафете, эта плодотворная инициатива перешла к коллеге и вдове ученого — М.И. Воробьевой-Десятовской, труды которой в области буддийской палеографии получили заслуженную международную известность.

Е.П. Островская

Нинель Александровна Дулина

(1925–2006)

Нинель Александровна Дулина родилась 2 июля 1925 г. в городе Новая Ладога, откуда в трехлетнем возрасте вместе с матерью переехала в Ленинград. Летом 1941 г. она закончила восемь классов средней школы, в годы Великой Отечественной войны жила и работала в осажденном городе. После снятия блокады Неля (так называли

ее друзья и близкие) продолжила учебу в вечерней школе рабочей молодежи, десятый класс которой окончила в 1945 г., и сразу поступила на турецкое отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета. 5 мая 1949 г. Н.А. Дулина была арестована органами МГБ, осуждена по ст. 58–12 и 81–1 УК РСФСР к шести годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях и к поражению в правах сроком на три года. О нелепых обстоятельствах этого политического ареста она сама написала очерк в сборник «Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет» (СПб., 2005, с. 161–175). Впоследствии Н.А. Дулина была полностью реабилитирована, заслуженные ею медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией» были ей возвращены и в 1958 г. она была восстановлена на четвертом курсе турецкого отделения востфака ЛГУ, который успешно закончила в 1960 г. Диплом по специальности «страновед-востоковед», знание турецкого, французского, английского, азербайджанского языков, а также репутация глубоко порядочного и ответственного человека, стремившегося к научному творчеству, послужили достаточным основанием для принятия Н.А. Дулиной в штат сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР.

В должности старшего научно-технического сотрудника Н.А. Дулина зарекомендовала себя как добросовестный и дисциплинированный работник, принимала активное участие в научной и общественной жизни института, своевременно выполняла плановые задания. В 1962–1963 гг. участвовала в сборе библиографии по теме «История просвещения в Турции» совместно с А.Д. Желтяковым и Ю.А. Петросяном; в 1964–1965 гг. занималась обработкой фондов библиотеки ЛО ИВ АН, составила системный каталог турецкого фонда (около 4000 книг). С 1966 г. являлась членом коллектива авторов, который под руководством А.Н. Кононова составил и подготовил к печати «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов». Осенью 1969 г. Н.А. Дулина была избрана по конкурсу на должность младшего научного сотрудника и приступила к разработке самостоятельной научной темы «Османская дипломатия в 30–40-е годы XIX века и Мустафа Решид-паша». В последующее десятилетие Нинель Александровна кропотливо и обстоятельно изучала исторические документы и источники по вышеуказанной теме исследования и в 1979 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Османская дипломатия в период турецко-египетского конфликта 1831–1841 гг.». После опубликования двух монографий в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука»: «Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.)» (М., 1980) и «Танзимат и Мустафа Решид-паша» — Н.А. Дулина получила должность старшего научного сотрудника. До конца 1988 г. Нинель Александровна продолжала трудиться в стенах нашего института (ныне — Институт восточных рукописей Российской академии наук), участвовала в подготовке к печати «Тюркологических сборников», в редактировании выпусков сборника «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной Европы», составляла рецензии на труды отечественных и зарубежных коллег, делала переводы с турецкого и французского языков, выступала с докладами и сообщениями на различных научных мероприятиях. Список ее научных трудов насчитывает более двадцати наименований.

Человек непростой судьбы, сумевший выстоять в очень трудных бытовых и психологических обстоятельствах, Н.А. Дулина, неизменно доброжелательная, со спокойной приветливой улыбкой, всегда была готова отозваться теплом на доброе к ней отношение. Будучи на пенсии, она не прекращала работать по специальности дома, интересовалась новыми достижениями тюркологии, приходила в библиотеку и книж-

ный салон восточного факультета СПбГУ. Нинель Александровна прожила долгую, хорошую, хоть и нелегкую жизнь, все сознательные годы которой она посвятила востоковедной науке. К сожалению, некоторые материалы из ее архива так и остались неопубликованными.

Т.Ю. Евдокимова

Галина Дмитриевна Иванова

(1927–1999)

Галина Дмитриевна Иванова, ученица Николая Иосифовича Конрада (1891–1970), являла собой образец русского интеллигента. Никогда не повышала голос, никуда не спешила и не стремилась засвидетельствовать почтение очередному «историческому деятелю». Родилась Галина Дмитриевна 6 июля 1927 г. в Ленинграде в семье служащих. Отец, Дмитрий Владимирович, возглавлял отдел коммунальных предприятий Леноблисполкома, а мать, Ольга Петровна, была бухгалтером артели. Во время Великой Отечественной войны Г.Д. Иванова была эвакуирована в г. Энгельс Саратовской области. В 1944 г. она окончила полную среднюю школу и поступила на японское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета, который был эвакуирован из Саратова. Еще студенткой летом 1946 и 1947 гг. она была послана на практику на Южный Сахалин, освобожденный от японской оккупации. В 1949 г. она с отличием окончила восточный факультет и сразу же поступила в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. В декабре того же года была командирована в Китай, откуда вернулась в июне 1950 г.

В связи с длительной командировкой срок окончания аспирантуры был перенесен на 1953 г.

Ее научным руководителем в аспирантуре был один из родоначальников отечественного востоковедения — Н.И. Конрад. 23 февраля 1953 г. Галина Дмитриевна защитила диссертацию на тему «Котоку Дэндзиро как публицист (К истории прогрессивной японской публицистики начала XX в.)». С сентября 1953 по июль 1959 г. работала ассистентом на кафедре японской филологии восточного факультета ЛГУ, она вела занятия по разговорному японскому языку и читала спецкурсы «Демократические писатели послевоенной Японии» и «Творчество современного прогрессивного писателя Исикава Тацудзо». Ею было подготовлено учебное пособие «Хрестоматия образцов японской послевоенной прогрессивной литературы». В 1959 г. Галина Дмитриевна перешла на научную работу в Ленинградское отделение Института востоковедения, и в том же году вышла из печати ее первая монография «Котоку — революционер и литератор». А в 1962 г. ей было присвоено звание младшего научного сотрудника. С 1963 по первый квартал 1965 г. включительно занималась обработкой Сахалинского фонда, в соавторстве с О.П. Петровой и В.Н. Гореглядом подготовила к печати второй выпуск «Описания японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг» (М., 1964).

Галина Дмитриевна до конца жизни работала в Институте. За это время она стала одним из ведущих специалистов в области литературы и общественной мысли Японии 1900–1920 гг. Ее исследовательская работа была высоко оценена в Японии: вышло

несколько благожелательных рецензий на ее книгу «Дело об оскорблении трона», на японском языке были опубликованы некоторые главы из этой книги. Она была лично знакома со многими известными историками и литературоведами в Японии, где ее хорошо знали и уважали. Она не порывала связей с кафедрой японской филологии востфака ЛГУ, неоднократно выступала официальным оппонентом на защите кандидатских диссертаций.

В 1972 г. Г.Д. Иванова приняла участие в работе I Международной конференции японоведов, на которой выступила с докладом.

Галина Дмитриевна известна как высокопрофессиональный переводчик художественной литературы, в частности произведений Мори Огай. В ее переводе вышли также сочинения Исикава Тацудзо «Похититель велосипедов» (сборник «Рассказы писателей Востока»), Сига Наоя «Серая луна», Исикава Тацудзо «Пережиток прошлого», Кита Морио «Муж и карманник», Кисаба Дзюн «Цветы зла», Ханива Сакураку «Все, что осталось» (сборники «Восточная новелла», «Красная ракушка»), Абэ Кобо «Вторжение» (сборник «Современная восточная новелла»), Фудзимори Сэйкити «Старик».

Завершая плановую тему «Арисима Такэо в кругу современников», Галина Дмитриевна открыла для себя новое направление научной деятельности — русские в Японии в конце XIX — начале XX в. Она одной из первых стала собирать материал и публиковать статьи о Л.И. Мечникове (1838–1888), Н.К. Судзиловском-Русселе (1850–1930), Р.А. Кебере (1848–1923), И.Д. Касаткине (архиепископ Николай) (1836–1912) и других эмигрантах. Эти незаурядные люди оставили глубокий след в истории российско-японских культурных связей. Кроме того, сами эмигранты публиковали статьи в дореволюционной России, Швейцарии и других европейских странах. Галина Дмитриевна предполагала защитить по этой теме докторскую диссертацию. Она успела опубликовать монографию «Русские в Японии XIX — начало XX в.» и статью «Японцы в российском Приморье (1900-е гг.)» в сборнике «Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 10». Кроме того, она планировала сделать перевод «Летописи воспоминаний» Токутоми Рока, а также написать научно-популярную книгу «Киото — тысячелетняя столица Японии». Но неизлечимая болезнь нарушила творческие планы. 9 августа 1999 г. она ушла из жизни, оставив глубокий след в сердцах коллег, последователей, учеников и друзей, завещав им свои книги и статьи.

Незадолго до смерти, в 1998 г., во время празднования 100-летия кафедры японской филологии восточного факультета СПбГУ Г.Д. Иванова выступила с последним в своей жизни публичным докладом «Сиракаба — литературное объединение и журнал (1910–1923 гг.)». До самых последних дней своей жизни она продолжала работать.

Галиной Дмитриевной было написано около 50 научных работ, в том числе девять монографий. Шесть из них были изданы:

1. Котоку — революционер и литератор. М., 1959.
2. Дело об оскорблении трона. Демократическое движение в Японии 90-х годов, его герои и литература. М., 1972.
3. Краткая история литературы Японии. Курс лекций (в соавторстве с Д.П. Бугаевой и Е.М. Пинус). Л., 1975. Ею были написаны разделы по Новому и Новейшему времени.
4. Мори Огай. М., 1982.
5. Мори Огай. Дикий гусь. Танцовщица. Перевод, вступительная статья, комментарий. М., 1992.
6. Русские в Японии XIX — начало XX в. М., 1993.

Еще три книги ждут издателя:

1. Арисима Такэо в кругу современников (рукопись объемом 15 а.л.).
2. Литература и идеология Японии Нового времени (рукопись объемом 20 а.л.).
3. Идеино-художественная жизнь Японии периода Тайсё (рукопись объемом 15 а.л.).

Мори Огай. Избранные произведения. СПб., 2002. Вступительная статья в этой книге «Мори Огай и его время» написана Галиной Дмитриевной.

Отрадно, что ее работы продолжали выходить и после кончины.

В.Ю. Климов

Анна Зиновьевна Розенфельд

(1910–1990)

Анна Зиновьевна Розенфельд родилась в г. Александровка (совр. Запорожье). В 1932 г. окончила Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ). В 1939 г., после защиты диссертации по теме «Говоры Каратегина» ей была присвоена ученая степень кандидата филологических наук, а в 1966 г. она стала доктором филологических наук.

За время своей долгой и весьма плодотворной научной и педагогической карьеры Анна Зиновьевна работала во многих академических учреждениях — в Институте востоковедения АН СССР (1937–1941, 1945–1950), Институте языка и литературы Тадж. ФАН СССР (1941–1943, 1953–1955). С 1947 по 1985 г. она была преподавателем Восточного факультета ЛГУ (доцентом с 1958 г. и профессором с 1968 г.). В 1943–1945 гг. Анна Зиновьевна работала сотрудником пресс-бюро Посольства СССР в Иране. Помимо русского и украинского языков владела таджикским, персидским, английским и немецким. Ею издано около 200 работ, в том числе множество монографий. Она была награждена медалями СССР.

Сфера научно-педагогической деятельности А.З. Розенфельд отмечена особым разнообразием, а ее интересы с трудом поддаются строгой классификации. Однако в них четко выделяются три главных направления: научная деятельность, педагогическая и литературно-переводческая (естественно, все три тесно перекликались между собой).

Среди научных достижений Анны Зиновьевны следует особо отметить ее вклад в изучение таджикского языка и диалектологии. С Таджикистаном ее связывало многое, и прежде всего глубокий интерес и любовь к этому краю, его языку и культуре — любовь, которая передавалась каждому беспристрастному ее слушателю, будь то студент, аспирант или коллега. В области диалектологии Анна Зиновьевна считала себя представительницей школы видного ленинградского ираниста и исследователя иранских языков и диалектов — И.И. Зарубина. Значительное место в ее трудах занимали говоры Южного и Юго-Восточного Таджикистана, основательно изученные ею и описанные в серии монографий и статей, среди которых назовем «Дарвазские говоры таджикского языка» (Труды ИЯз, 1956), «Говоры Каратегина» (Сталинабад, 1960), «Ванджские говоры таджикского языка» (Л., 1964), «Бадахшанские говоры таджикского языка» (Л., 1971). Собранные фольклорные материалы на дарвазском диалекте

вошли в сборник на таджикском языке: «Намунаҳои фольклори Дарвоз (Образцы дарвазского фольклора)» (Душанбе, 1962).

Итогом многолетней работы А.З. Розенфельд в области таджикской диалектологии явился ценнейший труд — «Таджикско-русский диалектный словарь (Юго-Восточный Таджикистан)» (Л., 1982), содержащий 6000 слов. Его основу составили полевые записи, которые Анна Зиновьевна вела на протяжении пятидесяти лет. Словарь включает в себя также лексику из публикаций по диалектологии, этнографии и фольклору Бадахшана, Ванджа, Дарваза, Каратегина, Куляба. Учитывая неразрывную лингвистическую связь между Южным и Юго-Восточным Таджикистаном, с одной стороны, и Афганистаном — с другой, он является незаменимым справочным трудом по диалектологии не только Таджикистана, но и Афганистана, а также Ирана. Однако интересы Анны Зиновьевны в области иранского языкознания не ограничивались лишь исследованием отдельных таджикских говоров или групп говоров, но включали в себя и разработку общетеоретических проблем. Из-под ее пера вышли и такие труды, как «Материалы к исследованию сложно-составных глаголов в современном таджикском литературном языке. Очерки по грамматике таджикского языка, вып. 1» (Сталинабад, 1953), «Глагол: (Очерки по таджикской грамматике). Вып. 1» (Сталинабад, 1954), «Таджикско-персидские языковые отношения: Словообразовательные суффиксы» // Востоковедение. Вып. 5 (Л., 1977) и др.

А.З. Розенфельд являлась также крупным специалистом по таджикской и персидской литературе. Она подготовила полный научный перевод (с послесловием и комментарием) крупнейшего памятника таджикской литературы XX в. — романа С. Айни «Воспоминания» в четырех томах. Основоположнику новеллистического жанра в Иране известному писателю Садеку Хедаяту (1903–1951) Анна Зиновьевна посвятила целый цикл работ — переводов, творческих характеристик, библиографических обзоров. Состояние и тенденции развития художественной прозы 40-х годов прошлого столетия она описала в нескольких статьях, предметом особого исследования выделив интереснейшую проблему влияния русских и советских писателей — Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького на процессы становления персидской художественной прозы. Анна Зиновьевна выступила пионером в разработке вопроса русско-персидских литературных связей. Эта тематика нашла отражение в таких работах, как «А.П. Чехов и современная персидская литература» (в Сборнике памяти акад. И.Ю. Крачковского. Л., 1958), «Проза Пушкина на персидском языке: Переводы „Капитанской дочери“» (Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991) и др. Интересные наблюдения о взаимовлиянии персидской и европейской литератур легли в основу ее статьи об истории сюжета «Сердце матери».

На педагогической деятельности, которой Анна Зиновьевна Розенфельд посвятила всю свою жизнь, следует остановиться особо. Она самоотверженно служила на ниве преподавания на восточном факультете и относилась к этому с необычайным трепетом, будучи педагогом с большой буквы. Про Анну Зиновьевну можно было сказать, что «она родилась, чтобы преподавать». Студенты ее никогда не утомляли; строгая и чрезвычайно требовательная, она их очень любила. У нее была даже тетрадь, в которой она на протяжении нескольких десятилетий отслеживала судьбу каждого из них. Многим своим ученикам Анна Зиновьевна помогала в устройстве на работу по окончании университета. Широта ее профессиональных и человеческих познаний позволяла ей вести самые разные курсы — от таджикского языка, диалектологии и литературы до художественного перевода. Последнее, несомненно, было обусловлено ее громадным опытом литературного перевода и необычайно тонким чутьем русского языка.

Анна Зиновьевна Розенфельд ушла из жизни в 1990 г. Ее, чрезвычайно активную и глубоко вовлеченную в жизнь общества, очень печалило за год до смерти, что она утратила способность читать и поэтому не могла следить за литературой, которой в годы перестройки зачитывалась вся страна. Вскоре после ее кончины распался СССР. Казалось, вместе с ней ушла в прошлое целая эпоха, с которой было неразрывно связано ее самозабвенное служение науке и людям. Ученики и коллеги Анны Зиновьевны помнят ее всегда.

Ю.А. Иоаннесян

Ольга Ивановна Смирнова

(1910–1982)

Иранист О.И. Смирнова родилась 14(27) июня 1910 г. в Петергофе в семье военноморского врача (ум. в 1930 г.), мать работала преподавателем. В 1928 г. О.И. Смирнова окончила ленинградскую школу № 34 и поступила на чертежные курсы. С 1929 г. она в качестве вольнослушательницы посещала лекции ученых-востоковедов А.А. Фреймана, А.А. Ромаскевича и В.В. Бартольда на Восточном факультете ЛГУ. В 1930–1934 гг. училась в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) на отделении лингвистики, цикл иранский. По окончании ЛИФЛИ О.И. Смирнова некоторое время (1934–1935 гг.) работала в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа над ближневосточным нумизматическим материалом под руководством заведующего Отделом А.А. Быкова. В марте 1935 г. О.И. Смирнова была принята на работу в Иранский кабинет Института востоковедения АН СССР в Ленинграде на должность младшего научного сотрудника. С того времени и до конца жизни (за исключением нескольких лет вынужденной эвакуации военной поры) вся ее научная деятельность была связана с нашим академическим учреждением.

Первые годы работы молодого сотрудника Иранского кабинета были отмечены разнообразием научных направлений и особым напряжением сил. Под руководством А.А. Фреймана О.И. Смирнова занималась подборкой материалов для иранского этимологического словаря, под руководством А.А. Ромаскевича вместе с другими коллегами участвовала в подготовке к изданию перевода и критического текста «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, в коллективном труде «Материалы по истории туркмен и Туркмении». К юбилею поэта Низами О.И. Смирнова была занята подготовкой к публикации его произведений, одновременно проводила выборку материалов для таджикско-русского словаря. С 1938 г. началась ее работа над дешифровкой и подготовкой к изданию согдийских монет из коллекции Государственного Эрмитажа.

С середины сентября 1941 г. до марта 1942 г. О.И. Смирнова работала сиделкой в подшефных госпиталях. В марте 1942 г. она была эвакуирована на Северный Кавказ. С августа 1942 г. по февраль 1943 г. находилась на оккупированной противником территории. После освобождения Северного Кавказа некоторое время работала преподавателем средней школы. В августе 1943 г. по вызову от Института востоковедения АН СССР, эвакуированного в Ташкент, вернулась на работу в Иранский кабинет. Там в сентябре 1943 г. она приступила к дешифровке и подготовке к изданию согдийских монет собрания Художественного музея. В 1944–1945 гг. О.И. Смирнова и Н.Д. Мик-

лухо-Маклай работали по совместительству в Институте по изучению восточных рукописей АН Узбекской ССР, принимая участие в подготовке каталога восточных рукописей. В должности и.о. старшего научного сотрудника О.И. Смирнова работала над описанием персидских рукописей собрания этого института и подготовкой к изданию критического текста «Истории Бухары» Наршахи.

В 1945 г. О.И. Смирнова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Согдийские нумизматические материалы как источник истории Средней Азии предисламского периода». Краткое изложение диссертации было напечатано в журнале «Советское востоковедение» за 1949 г. В послевоенные годы ее научные интересы были сосредоточены на двух главных направлениях: изучении истории Согда и классической текстологии. Для решения первой задачи она исследовала согдийские и куфические монеты, согдийские хозяйственные документы с горы Муг, сведения средневековых арабских и персидских хроник о мусульманских завоеваниях в Средней Азии. О.И. Смирнову по праву можно считать основателем новой отрасли нумизматики — согдийской. Она — автор «Каталога монет с городища Пенджикент» (1963), «Сводного каталога согдийских бронзовых монет» (1981), многочисленных аналитических статей, посвященных характеристике монетных собраний и кладов. Ее занятия текстологией реализовались в переводе и критическом издании 1-го тома «Сборника летописей» Рашид ад-Дина (1952), подготовке к изданию первых трех томов «Шах-наме» Фирдоуси (вышли в 1961–1963 гг.) и «Истории Бухары» Наршахи.

О.И. Смирнова умерла в январе 1982 г. Она оставила после себя более 80 научных работ и не менее десятка учеников, работающих в среднеазиатских республиках бывшего СССР и в России.

А.И. Колесников